

Сухарев Олег Сергеевич —
заведующий сектором
институционального анализа
экономической динамики
Института экономики РАН,
доктор экономических наук,
профессор.

Oleg S. Sukharev —
Institute of Economics
of the Russian Academy of Sciences.

Проблема организации экономического роста: расхождения во взглядах

The Problem of Organizing Economic Growth: Divergence of Views

УДК 338(470+571)

Предметом исследования стала проблема формирования экономической политики роста в России. Выход экономики из рецессии требует обоснования мероприятий правительственной политики, способствующих не только преодолению кризиса, но и выводу экономики на траекторию устойчивого экономического роста заданного темпа. В статье рассматриваются позиции экономистов, представляющих собой два крупных лагеря по взглядам на экономическую политику роста, — экспансионистов и рестрикционистов. Первые высказываются за активное стимулирование экономики методами бюджетной и денежно-кредитной политики, вторые исповедуют курс на сокращение расходов и проведение отдельных реформ, которые, с их точки зрения, повысят качество функционирования экономики (судебная реформа, приватизация и т.д.). Применяя метод сопоставительного анализа, опираясь на факты экономического роста и кризиса в России, автор обосновывает позицию по формированию новой модели роста для нашей страны, указывает стратегические направления такой политики и приводит научные доводы, которые подтверждают именно этот выбор. Например, относительно стимулирования инвестиций показано, что на первой фазе выхода из рецессии потребуется не столько наращивание величины инвестиций, сколько стимулирование совокупного потребления и восстановление уровня доходов граждан.

Существующий выбор между экспансией и рестрикцией как видами экономической политики не столь однозначен, поскольку имеются серьезные ограничения на денежную экспансию и рассматривать такой вид политики в России в отрыве от иных системных воздействий, которые должны быть соразмерны этой модели политики, при ее реализации нецелесообразно. Экономическая политика нового роста должна исходить из наличия обратных связей и влияний в экономической системе и верно оценивать текущее состояние с учетом установленных стратегических ориентиров.

Ключевые слова

Экономический рост, модели развития, малый бизнес, денежно-кредитная политика, бюджетная политика, ограничения роста, структура экономики, обрабатывающие секторы.

Проблема организации экономического роста в России сегодня выходит на первый план. Первые симптомы выхода из рецессии 2015–2016 гг. настолько условны, что требуется осмыслить подходы к формированию политики роста, которые могут оказаться полезными при реализации этой политики в дальнейшем. Экономическая наука создала много теорий и моделей роста, однако далеко не все они применимы в кон-

кретных условиях данного исторического периода развития рассматриваемой экономической системы.

Теоретические достижения, несмотря на множество созданных моделей экономического роста и тома научной литературы, остаются, на наш взгляд, весьма скромными с точки зрения того, как управлять ростом, как организовать и распределить его результаты, чтобы

The subject of the study was the problem of elaborating the economic growth policy in Russia. The economy's exit from recession requires justification of government policy measures contributing not only to overcome the crisis, but also to bring the economy to a path of sustainable economic growth at a given rate. The article deals with positions of economists, representing two major camps in their views on the economic policy of growth — expansionists and restrictionists. The first are in favor of active stimulation of the economy by means of budgetary and monetary policy, while the latter profess policy of cutting expenditures and carrying out individual reforms which, in their view, will improve the quality of economy functioning (judicial reform, privatization, etc.). Applying comparative analysis, based on the facts of economic growth and the crisis in Russia, the author substantiates the necessity of forming a new model of growth for our country, indicates strategic directions of such policy and presents scientific arguments that confirm this choice. For example, it is shown that for promoting investment in the first phase of the exit from recession it is necessary not only to build-up the rate of investment, but to stimulate aggregate consumption and to restore the level of citizens' incomes.

The existing choice between expansion and restriction as types of policy is not so unequivocal, because there are serious constraints on monetary expansion, and to consider this kind of policy in Russia apart from other systemic effects that should be commensurate with this policy model while implementing it, is inappropriate. Economic policy of a new growth should be based on the presence of feedback and influences in the economic system and should correctly evaluate the current status against established strategic guidelines.

Keywords

Economic growth, development models, small business, monetary policy, budgetary policy, growth constraints, structure of the economy, manufacturing sectors.

само распределение играло на поддержание темпа роста, а не тормозило его. Эта задача и структурная, и институциональная, и технологическая в широком смысле слова. Первооснова ее решения сводится к имеющемуся набору наличных природных ресурсов и человеческого капитала.

Неверно считать, что Россия имела сырьевую экономику с советских времен и это наследие прошлого с новой силой обнажилось в наше время. Как было показано в предыдущих работах автора статьи, по соотношению доли топливной промышленности и машиностроения в общем объеме промышленного производства наибольшая сырьевая зависимость сформировалась к 2000 г. [1, 2]. Получается, что девальвация 1998–1999 гг. и постдевальвационный эффект запуска экономического роста в этот период только наполнили силой эффект сырьевой зависимости, даже несмотря на рост промышленного производства. Конечно, влияли и внешние условия — высокий темп роста цен на углеводороды на мировых рынках и повышательная динамика цен на продовольствие. В итоге имело место десятилетие эйфории экономического развития, в которое деиндустриализация и деквалификация экономики России только усилились. Этот эффект «2-Д»¹, сопровождаемый дисфункцией макроэкономического управления при свертывании внешних позитивных факторов роста, сразу обеспечил нисходящую динамику по темпу, подводя экономику России к рецессии 2010–2015 гг. О рецессии говорили многие российские экономисты начиная с 2012 года, весь 2013-й и 2014-й вплоть до осеннего обвала валютного рынка после снижения мировой цены на нефть², однако они не были услышаны. После обвала валютного рынка и запуска импортированной инфляции 2014–2015 гг. в лексиконе экономистов, наконец, появилось слово «рецессия», до этого многие из них применяли смягченные формулировки, называя ситуацию стагнацией.

Данный сценарий развития экономики представляет собой, на наш взгляд, суммарные ошибки макроэкономической политики, в основном денежно-кредитной и бюджетной ее составляющих, а также различных институциональных модификаций. Общая рестрик-

тивная направленность макроэкономических воздействий и отсутствие связи между целями реформирования и имеющимися ресурсами, которые можно использовать для достижения этих целей, составляют одну из главных причин такого результата.

Почему же применяется именно умеренно рестриктивная политика? Является ли это только следствием теоретических недоработок либо это область идеологии или интереса определенных групп? Предположим, справедливы оба объяснения.

Во-первых, существует теоретический выбор между экспансией и рестрикцией, но масштаб этих двух процессов может быть разным, что выводит дискуссию из области «белое — черное», таких контрастных противопоставлений быть не может. Никто в России никогда не предлагал «залить экономику деньгами», как утверждают отдельные близкие к власти экономисты, критикуя противоположный лагерь (экспансионистов) при помощи подобных лексических передергиваний и оправдывая проводимую политику сдерживания роста (рестрикционисты). Речь всегда велась об увеличении денежной массы соразмерно с расчетами и моделями, которые показывают допустимость этого действия. Конечно, сторон-

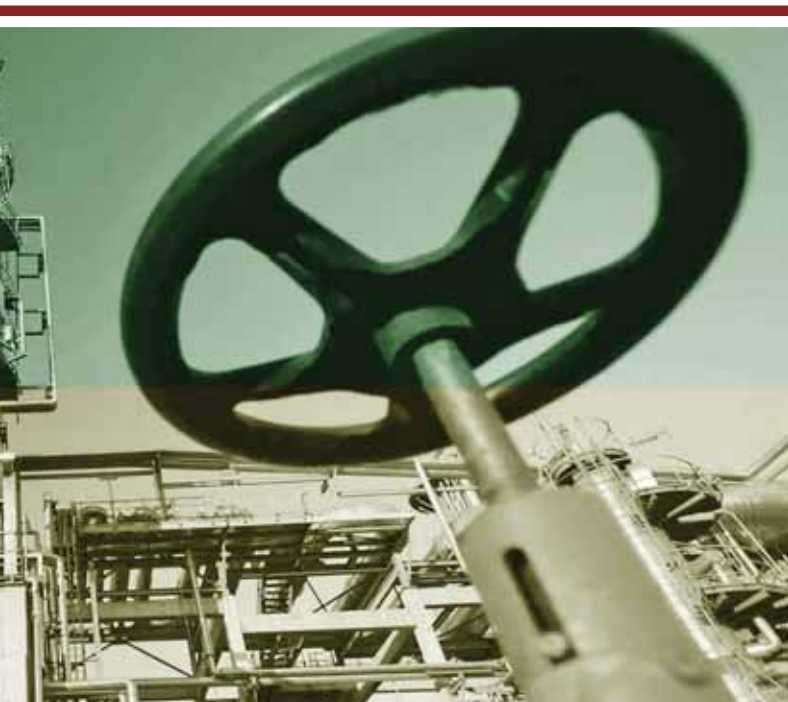
ники рестрикций справедливо укажут на то, что монетизация российской экономики де-факто осуществлялась в 2000–2010 гг. и далее, отношение объема денежной массы M_2 к ВВП возросло с 14 до 47%, что считается недостаточным с позиций экспансионистов. Однако именно эта монетизация и поддержала постдевальвационный экономический рост при позитивной динамике мировых цен на нефть, который был бы более скромным без соразмерного увеличения денежной массы. Безусловно, в диапазоне от 15 до 50% рост денежной массы вызовет одну динамику роста, но в следующем диапазоне — от 50, скажем, до 80 или 100% — это будет явно другая динамика. Но какая? Ответ на этот вопрос затруднителен для сторонников и экспансионистского, и рестриктивного подхода. Иное дело, что рестрикционисты действуют в пользу богатых слоев населения, так как предлагают дальнейшую приватизацию для решения бюджетных проблем, реформу суда, административного управления, налоговой системы, стимулирование малого и среднего бизнеса. Диапазон их видения этим, по сути, ограничивается, притом что общий вектор политики предполагает распределение ресурсов в рамках имеющихся скудных возможностей, а задача создания ресурса под новую стоимость по существу не ставится. Тем самым формируется

➤ Неверно считать, что Россия имела сырьевую экономику с советских времен и это наследие прошлого с новой силой обнажилось в наше время. Наибольшая сырьевая зависимость сформировалась к 2000 г.

изначально усеченная и ущемленная модель роста, как бы ее ни называли.

Установка на то, что можно успешно без больших потерь для экономики снизить инфляцию (вплоть до среднегодового уровня в 4%), которая ускорилась благодаря внешнему шоку³, за счет сжатия денежной массы и кредита — монетарных факторов, оказалась блефом. Именно высокие потери и возникли, особенно в обрабатывающих секторах. К тому же методы борьбы с инфляцией были неадекватны причине, ее вызвавшей. Более того, тезис, будто снижение инфляции станет условием роста через активизацию инвестиций, также не выдерживает критики. Не учтены оказываются структурные и институциональные причины инфляции и роста. Дальнейшее сокращение доли государственного сектора также не способствует решению этих проблем, поскольку не определено, какие именно структурные и институциональные ограничения будут сдерживать рост. Если увеличить частный сектор, который и так не обеспечивал рост экономики, то он и в больших размерах не даст должной динамики, потому что не изменяется суть его функционирования, например, организационно-правовые формы ведения бизнеса и т.д., условия внутреннего рынка, договорной деятельности, конкурсов, конкуренции и др.

Во-вторых, политика рестрикций поддерживает наиболее богатые слои населения за счет бедных при показной заботе о них. Это создает заинтересованность в ее проведении, ибо обладающие властью агенты в большей степени зависимы именно от богатых слоев населения, имеющих возможность так или иначе санкционировать назначение на должность, нежели от бедных слоев, которые в лучшем случае могут переизбрать властвующего аген-

та, когда подойдет срок. Таким образом, чиновник формирует политику не в пользу бедного большинства, а в пользу богатого меньшинства, даже если понимает теоретическую ошибочность такой политики. Кроме того, сила современных финансовых рынков и задействованных на них агентов определяет не только все изменения в экономике, но даже назначение чиновников⁴.

Помимо этих «магистральных» причин действует боязнь совершить ошибку, выбиться из мейнстрима, а некая стабилизация подается как совокупный успех проводимой политики. В экономической науке трудно анализировать ситуацию, рассуждая о том, что произошло бы при другой политике, поскольку этой другой политики не было. И населению остается верить увещаниям и страшилкам, что экспан-

➤ **Невозможно представить функционирование экономической системы без правительственных воздействий вообще.**

сия привела бы к инфляции и дальнейшему обесценению сбережений и реальных доходов граждан. Однако эмпирические цифры предыдущего периода говорят об обратном: именно рестрикции уже привели к сокращению реальных располагаемых доходов и потребительского спроса.

Эффективность макроуправления, экономической политики стала камнем преткновения в многочисленных дискуссиях и обсуждениях. Полагаем, что такое положение вещей сохранится еще очень долго. Обычно принято оценивать эту эффективность по достижению поставленных целей развития, которые должны быть измеримы (потенциально достижимы — адекватны) и реализованы к обозначенному моменту времени. Инструменты, применяемые для этого государством, соизмеряются с тем, какая наблюдается динамика относительно поставленной цели или целей. Однако такая эффективность, по сути, является результативностью политики, а подлинная эффективность могла быть измерена только в том случае, если бы удалось сказать, на какую

величину применяемый инструмент продвигает систему к сформулированной (поставленной) цели. Именно это сделать трудно, так как на практике применяется набор инструментов, причем различные их типы в какие-то моменты могут усиливать или ослаблять действие друг друга.

Экономическая наука по целому набору инструментов не может ничего прояснить в этой части за исключением финансовой (бюджетной) и денежно-кредитной политики, влияние которой неплохо изучено к настоящему времени. Применение конкретного инструмента политики связано с издержками, поэтому оценка эффективности была бы возможна в том случае, если бы можно было точно определить полную величину таких издержек применения, сопоставив их с выгодами от изменения ситуации, если использование данного инструмента политики действительно приводит к изменению ситуации. Это различие подчас бывает очень сложно оценить в силу применения набора инструментов и пролонгации их влияния в разные интервалы времени для каждого инструмента, причем взаимное влияние с течением времени может также изменяться. Иными словами, инструменты составляют часть системы, которую они призваны изменить, поэтому полноценная оценка затрат на отдельный инструмент и сопоставление с выгодами от конкретного данного инструмента, мягко говоря, дело непростое.

Возможен еще способ оценки эффективности политики, когда при отсутствии применения каких-то воздействий оценивается тренд изменения релевантных параметров системы, связанных с намеченной целью (измеримые параметры целей), как если бы система развивалась далее без вводимых мер государственной политики. Но поскольку эти меры затем применяются, то оценивается изменение этого тренда от первоначальной прогнозируемой версии. Проблема здесь кроется в том, что невозможно представить функционирование экономической системы без правительственных воздействий вообще. Если построен тренд по какому-то параметру системы, значит, все предыдущие воздействия так или иначе влияли на изменение этого па-

раметра. Новые меры, принятые на каком-то участке эволюции системы, желает этого исследователь или нет, неким образом взаимодействуют с предыдущими воздействиями, поэтому в чистом виде отделить отклонение от тренда, выделив эффективность именно этих инструментов правительственной политики, не представится возможным. Конечно, есть отдельные виды политики, которые имеют такую очевидную силу воздействия, что перекрывают действие иных политических инструментов, так что, пусть и грубо, но оценить результативность (эффективность) именно их использования вполне возможно. Другое дело, что использование инструмента и само его действие предполагает некоторое время, за которое тренд изменяется. Это время последствия (эффект гистерезиса), когда меры еще не начали действовать, а инструменты уже применяются, требует дополнительной оценки и учета при рассмотрении такого тренда.

Конечно, в современной экономике нельзя сводить политику только к стимулированию предложения или спроса, необходимо действовать, ориентируясь на оба компонента, понимая связь их взаимной динамики, а также того, что макроэкономическое управление, обретающее вид экономической политики, проводимой правительством, составляет один из весомых факторов экономического роста.

Существенный спад инвестиций вроде бы подталкивает к тому, чтобы считать именно их локомотивом новой модели экономического роста. Это логический вывод, который лежит на поверхности. И все-таки мы не считаем это абсолютной истиной, ибо в 2015 и 2016 гг. потребление в России упало как минимум на 20%, а по отдельным благам — до 50%. Учитывая, что, согласно данным статистики, до 40% мощностей простаивает (рестрикционисты считают, что все мощности загружены и ресурсы используются), даже если их состояние не позволяет загрузить их в полном объеме, на первой фазе организации нового роста потребуются стимулировать все-таки совокупное потребление, применяя дифференцированные меры для ориентации вектора спроса на отечественных производителей и внутрен-

ний рынок. Только на следующем этапе организации роста необходимо задействовать имеющийся инвестиционный потенциал, выстроив институты стимулирования таким образом, чтобы обеспечивалась нужная пропорция между новыми и старыми направлениями производства (технологиями). На практике, безусловно, стимулирование инвестиций и потребительского спроса будет происходить синхронно, но при выходе из рецессии потребительскому спросу нужно отдать приоритет, компенсируя серьезный кризис потребления в России. Налоговую систему, иные институты необходимо привести в соответствие с магистральной задачей формирования этой новой модели роста. Следует отложить до лучших времен поверхностные корректировки судебной системы и совсем отказаться от приватизации. Более того, потребуются развернуть систему инфраструктурных проектов (подобных Керченскому мосту) при более чем 50-процентном участии государства, создать соответствующие ресурсы под них и вовлечь субподрядные организации — только российских производителей. Следовательно, государственные инвестиции в инфраструктуру должны стать локомотивом нового роста. Однако потребуются такая шкала налогов, процентные ставки и иные стимулирующие методы, чтобы избыточные ресурсы из финансово-банковского, торгово-спекулятивного сектора, сферы услуг, добычи перетекали в обрабатывающие секторы, включая оборонно-промышленный комплекс, который

наравне с сельским хозяйством демонстрирует самый высокий мультипликатор расходов, ориентируя заказы внутри страны.

Такой качественно иной рост можно обеспечить за счет внутреннего потребления, инвестиций в основной капитал, на первом этапе используя ресурсы государственного сектора, а затем частного. Причем распределение таких ресурсов, как труд и капитал, а также финансов, должно приводить к наполнению ими обрабатывающих секторов экономики.

Наш подход снимает разногласия в отношении выбора стратегии экономического роста в России при признании важности повышения эффективности частного и государственного секторов, свертывании неэффективной реформы образования и Российской академии наук, при управляемом блокировании поведения спекулянтов на финансовом рынке и использовании имеющихся ресурсов этого рынка для запуска обрабатывающих секторов. Для этого потребуются создать новые формы организационно-экономического взаимодействия государства и бизнеса, чтобы стимулировать бизнес открывать новые продуктовые направления. В связи с этим спекуляция должна стать невыгодной, как и разросшиеся посреднические торговые сети. Это потребует новых налогов, административных ограничений, новых форм контроля за рынками и др.

Действительно, опасно сильно монетизировать сложившуюся в России экономическую структуру, поэтому денежно-кредитная экспансия возможна и необходима только при системных изменениях и воздействиях на рынки, чтобы деньги оказались в обработке и запустили всю цепочку заказов, которая разорвана и восстановление которой потребует значительных затрат, что и приведет к инфляционному давлению. Если же следовать рестриктивной логике, то ограничения позволят восстановиться тем из агентов, кто останется и сумеет выжить при таких ограничениях. Данная политика крайне неэффективна и не имеет научных и практических экономических оснований. Доводы, что наращивание денежной массы вызовет рост цен или деньги окажутся на валютном рынке и обва-

лят его, запустив очередной виток кризиса, несостоятельны, поскольку никто не мешает регулировать экономику (валютный, денежный рынок, ограничивая спекулянтов), чтобы этого не произошло. Инфляция будет не тормозом, а основным сопровождающим рост явлением — иного при такой структуре экономики не дано.

Совершенно не состоятельны предложения снизить налоги и стимулировать развитие малого бизнеса, поскольку они не являются сколько-нибудь обоснованными. Эти меры могут ухудшить долгосрочную конкурентоспособность российской экономики, сильно и безвозвратно модифицировать ее структуру в худшую сторону. Укреплять малый бизнес, когда имеются большие проблемы с крупным бизнесом и малый бизнес почти на 70% торгово-посреднический, — это стратегически неэффективное решение. Нет ресурсов для такого развития и структурного изменения, они могут быть получены только за счет ослабления крупного бизнеса. Первоначально малый бизнес так и возникал — за счет отвлечения в ходе приватизации ресурсов с бывших советских флагманов промышленности, крупных предприятий (фактически ценой их разрушения). Снижение налогов не увеличит экономической активности, но ухудшит ситуацию с дефицитом бюджета, как следствие, с государ-

ственным долгом и его обслуживанием (вероятный исход на последующих этапах). Сегодня ситуация с долгом в России вполне удовлетворительная, что позволяет легче переносить рецессию и сокращает ее продолжительность.

Малый бизнес легко «покоряется» внешним конкурентам, поэтому без базы в области обрабатывающих секторов, представленной крупными корпорациями — производителями широких серий, обеспечить высокую конкурентоспособность и независимую экономическую (промышленную) политику проблематично. Если по факту малый бизнес представлен торговлей и услугами, то каковы предпосылки того, что будет развиваться именно производительный (не говоря уже об инновационном) малый бизнес. Оценки требуют ресурс, необходимый для такой дифференцированной экономической структуры, которую представляет малый бизнес. К тому же с точки зрения правительственных воздействий он слабо регулируем: в производственном малом бизнесе малые фирмы разного состава и размеров работают в различных обрабатывающих секторах экономики. Следовательно, сведение стратегии развития России к стимулированию малого бизнеса чревато непредсказуемыми последствиями и такими же стратегическими эффектами, причем далеко не позитивного содержания.

Следовательно, требуется совершенно иной подход, в рамках которого малый бизнес является не панацеей и драйвером экономического роста, а вспомогательным компонентом, играющим роль смазки для развития крупного производства. Потребуется определить структуру малого бизнеса: какая его доля должна присутствовать в торговле, инфраструктуре, маркетинге и консалтинге, а какая — в области вспомогательных производств, инноваций. Проблема состоит в том, что малый бизнес на то и малый, что он не имеет крупных серий, способен специализироваться на довольно ограниченной номенклатуре выпуска, символизируя в общем-то монопродуктовое производство. В случае инновационных производств это могут быть единичные новаторские производства уникальной продукции, которую потребуется передавать на тиражирование крупным производителям,

имеющим в том числе возможность освоения внешних рынков. Нужно четко представлять, что малый бизнес имеет объективные ограничения для такой работы в силу дополнительных транзакционных издержек, которых требует подобная работа и которые он не в состоянии обеспечить без того, чтобы из малого не превратиться в средний или крупный бизнес. Однако для таких превращений имеются ограничения по капиталу, кредиту и трудовому потенциалу, а также конкурентные (чисто рыночные) ограничения.

➤ Предложения снизить налоги и стимулировать развитие малого бизнеса могут ухудшить долгосрочную конкурентоспособность российской экономики, сильно и безвозвратно модифицировать ее структуру в худшую сторону.

Малый бизнес не будет мощной конкурентной силой, противостоящей власти транснациональных корпораций, делящих внутренний российский рынок. Более того, такая сильная дифференциация бизнеса и его нарочитое измельчение приведут к обратному эффекту — производительному и инновационному малому бизнесу, если такой будет процветать в некоторый момент времени, придется подстраиваться в цепочки воспроизводства иностранных компаний, а имеющиеся наработки будут либо интериоризированы в задачи развития нероссийского бизнеса, либо отвергнуты и свернуты. Причем этот процесс будет протекать медленно, незаметно для наблюдателя. Малый бизнес создает мелкобуржуазную среду, тяжким бременем ложится на владельцев такого бизнеса, которые не оставляют надежды вырваться из кабалы малого бизнеса и превратить его в крупный или по крайней мере средний бизнес. Это нивелирует уровень безработицы и создает иллюзию процветания. Таким образом, данная цель является спекулятивной целью политики, являясь собой весьма мутную стратегическую перспективу.

Дальнейшая приватизация и сокращение государственного сектора выступает также мерой, принимаемой в интересах наиболее богатых слоев населения, поскольку распродаваемую собственность могут приобрести отнюдь не бедные и даже не представители среднего класса, а наиболее обеспеченные граждане. При этом государство сужает диапазон управления, так как банально лишается активов, которые могло бы эффективно использовать (речь не идет о приватизации заведомо неэффективных активов — их не так много, к тому же не факт, что исчерпаны возможности повышения эффективности их использования). Никто не мешает чиновникам повышать эффективность управления, вместо того чтобы сетовать, что государственный сектор якобы неэффективен.

Торговые сделки такого типа (приватизационные) потенциально коррупционны и являются первым сигналом, свидетельствующим о наличии коррупции, способом, позволяющим чиновникам, которым легче распродать активы и сократить государственный сектор в случае обнаружения проблем с бюджетом, прикрывать свое ничегонеделание. Одним из сильных побудительных мотивов к приватизации государственного сектора выступает как раз дефицит бюджета, стремление его снизить обычно без глубокого анализа причин возникновения дефицита. Причина дефицита бюджета в эпоху повсеместного сокращения расходов и в эру монетаризма в том, что именно монетаристская политика свертывает экономику и действует в направлении обострения бюджетных проблем. Этому же способствует и политика снижения налогов, которая обосновывается необходимостью политики «предложения». Сокращение расходов на решение социальных проблем непродуктивно. Однако с позиции теории роста приходится выбирать между текущим ростом экономики, который можно стимулировать, инвестируя не только в образование и здравоохранение, и будущим ростом, который в значительной степени будет определяться тем, насколько здорово население, и тем, каковы квалификация и уровень образования трудового потенциала. Таким образом, перед любым правительством всегда стоит задача обеспечения структуры расходов (структурная задача

➤ **Приватизационные сделки потенциально коррупционны и являются первым сигналом, свидетельствующим о наличии коррупции, способом, позволяющим чиновникам, которым легче распродать активы и сократить государственный сектор в случае обнаружения проблем с бюджетом, прикрывать свое ничегонеделание.**

стимулирования экономического роста). Несмотря на наличие многочисленных работ по оптимальному экономическому росту, существующие динамические модели различных типов и классов, нельзя признать, что задача в такой постановке имеет на сегодня удовлетворительное научное решение.

Если проводится бюджетная политика рестриктивного плана, то это означает сокращение расходов, что делается якобы для борьбы с инфляцией, но не получившие денег конкретные подсистемы экономики не смогут далее развиваться должным образом даже при пониженной инфляции, а сложившаяся экономическая структура, из которой в силу бюджетных рестрикций будут выбиты отдельные агенты, может отреагировать инфляционно на попытку стимулирования экономического роста, осуществляемую с лагом времени⁵.

Нельзя отрицать полезности стимулирования расходов на здравоохранение и образование (по социальным статьям бюджета), но нужно отметить, что расходование этих средств только в заработную плату занятым в упомянутых секторах либо повышение текущих затрат данных секторов (увеличение общих затрат на управление) может быть непродуктивным с точки зрения обеспечения будущего роста. Только если выделенные средства направляются на технологическое оснащение медицины приборами и аппаратурой, а в области образования на повышение выпуска высококвалифицированных специалистов и их трудоустройство в конкретных секторах эко-

номики по специальности, они окажут долгосрочное стимулирующее влияние на экономический рост. Сугубо бюджетная, «линейная», логика, которой обычно следовали и сегодня следуют финансисты, в этом случае неприменима.

Экономическая наука давно показала, что денежно-кредитная политика и бюджетная политика различаются с точки зрения чувствительности и реакций системы на их мероприятия и по-разному обеспечивают экономику деньгами. Бюджетная политика, как принято считать, не позволяет создавать деньги в экономике в отличие от денежно-кредитной политики, но она рассредоточивает часть дохода, аккумулируемую посредством налогов и платежей, по различным направлениям и в этом смысле напрямую осуществляет монетизацию конкретных видов экономической деятельности. Вместе с тем распределяемые финансовые ресурсы поступают в экономику через банки и в этой части расширяют возможности данных банков, влияют на процесс создания ими денег, хотя бы в некотором объеме, который можно и увеличить. Кроме того, бюджетные расходы составляют некий «портфель расходов» в экономике, каждое направление расходов характеризуется своим мультипликатором, то есть влиянием на создаваемый в стране продукт.

Денежно-кредитная политика всегда воспринималась как общий вид политики управления денежной массой, влияющей на инфляцию,

но сегодня, учитывая многообразие различных видов денег и финансовых инструментов, быстроту реакции финансовых рынков, нельзя не принимать во внимание эффекты распределения денежной массы по видам деятельности. Новые формы денежно-кредитной политики должны исходить из задач развития конкретных видов деятельности (обеспечения их деньгами), перетекания денежной массы между секторами, что порождает эффект дополнительного денежного обеспечения конкретного вида деятельности в единицу времени. Подобный эффект необходимо учитывать в новой политике экономического роста.

Если во время Дж.М. Кейнса и позже, вплоть до последних десятилетий XX в., в качестве целей экономической политики выступали занятость, противодействие инфляции и экономический рост, то сегодня необходимо определенно сказать, что политика общей занятости уже не стоит на повестке дня так остро, как в былые времена. В прошлую эпоху, когда уровень знаний был более или менее одинаков и интерспецифического ресурса не существовало в том объеме, как сегодня, политика обеспечения занятости могла предполагать общие методы воздействия на рынки труда и производство. Индустриальный капитализм того периода требовал более или менее однородных навыков, но с повышением интерспецифичности трудового ресурса требуется обеспечить не вообще общую занятость, а наиболее эффективное размещение этого ресурса с учетом его подготовки (образование и квалификационная адаптация). Таким образом, мы наблюдаем дифференциацию политики занятости. И это не может не найти отражения в характере и методах проведения денежно-кредитной и бюджетной политики. Требуется изменить и теоретические подходы к разработке экономической политики, общие равновесные схемы могут иметь лишь сопровождающее и сопутствующее агрегатное значение, не более того. Теперь необходимо учитывать влияние институтов, которое часто не поддается формально-математическому описанию; требуется скрупулезный системный анализ их функционирования на основании собранных фактов.

Монетаристский фетиш политики роста не видит таких ограничений. Воздействия на экономическую систему в виде приватизации, сокращения расходов и снижения налогов — это по существу завуалированная экспроприация доходов и активов наиболее бедных слоев населения в пользу богатых, поскольку такая политика направлена на сохранение уровня их прибыли. Если возникает экономический рост, то при созданной системе капиталистических институтов он также распределяет наращенный доход в пользу богатых слоев населения. Данные о прибылях крупных финансовых магнатов в период рецессии подтверждают в целом этот тезис (причем не только для России).

Возникает ряд вопросов: стоит ли осуществлять запуск такого экономического роста, является ли данная модель роста приемлемой и через сколько лет начнется следующий кризис? Но проблема кроется еще и в том, что развивающаяся экономическая система не может запустить экономический рост при помощи набора подобных монетарных действий — так сильны ограничения роста. А если он возникает, то на старых факторах, выгодных богатым слоям населения, и по этой причине рост не будет продолжительным, а его темп высоким. Какой темп роста считать приемлемым и необходимым для экономической системы — это задача как научная, так и политическая, отражающая амбиции и ожидания политического истеблишмента данной страны. Однако оценка потенциальных рывков, ускорений и потенциала роста должна опираться на строгий научный анализ, который в случае невозможности определить время рывка или роста с некоторым темпом не позволяет ничего сказать по поводу формируемой модели экономического роста. В данном случае модель роста формируется скорее по наитию политических и экспертных экономических кругов, нежели на основе учета всех возможных ограничений и оценки подлинного потенциала.

Имеющиеся факты экономического роста в нашу эпоху говорят о том, что рост экономики возможен при сокращении занятости, причем в обрабатывающих и даже высокотехнологичных секторах. Есть различные модели

роста, сопровождаемые качественными изменениями конкретных экономических систем, их структуры. Нынешний рост может происходить за счет расширения торговли, услуг, финансовых операций и финансового сектора — по занятому персоналу. Борьба с инфляцией в основном выгодна тем, кто держит активы, в наибольшей степени подверженные влиянию инфляции. В обрабатывающих секторах, располагающих крупными основными фондами, инфляция влияет, например, на долгосрочные проекты (изделия имеют продолжительный жизненный цикл), но более всего она влияет на финансовые активы, следовательно, на финансовые рынки. По этой причине борьба с инфляцией устраивает в наибольшей степени владельцев финансового капитала. Именно поэтому политика роста, сводимая к борьбе с инфляцией, отражает интересы, а не научно установленные связи между динамикой цен и самим ростом⁶. Низкая инфляция более всего выгодна финансовым магнатам, она облегчает спекуляции на финансовых рынках.

Во многих научных и популярных работах, опубликованных на Западе, присутствуют рассуждения о прямой угрозе неконтролируемых финансовых рынков для мировой экономики, потому как они способны быстро и на длительный период спровоцировать ее дестабилизацию со всеми тяжелыми следствиями. Высокая степень зависимости от финансовых рынков и импорта порождает во многих развивающихся странах импортированную

инфляцию, с которой бесполезно бороться посредством монетарных рычагов — нужно снижать импортную зависимость, причем по многим направлениям. Повышение процента ограничивает кредит и разрушает обрабатывающие секторы таких стран (именно это наблюдалось в России), увеличивая зависимость от импорта и импортированной инфляции. Таким образом, борьба с инфляцией посредством различных рестрикций только усугубляет ее, так как свертывает производство и услуги в экономике, снижает объем общих трансакций, а высокий процент ограничивает кредит, делая дальнейшее развитие невозможным. Через некоторое время проведение такой политики, а особенно ее повторение, как это произошло в России, приводит к формированию режима постоянно стагнирующей и отсталой экономики, демонстрирующей отдельные периоды роста, затем стагнации (а также стагфляции)⁷, рецессии и длительного преодоления рецессионных явлений в условиях острого дефицита ресурсов.

Чтобы сформировать новую модель экономического роста для такой страны, надо четко понять и озвучить причины появления сложившейся модели развития и ее сохранения в течение многих лет. Ложные оценки не могут дать эффективной модели роста. Необоснованные меры, принимаемые на основании «научных фетишей», а не научных результатов только нивелируют возможности запуска экономического роста, позволяют в течение длительного времени уходить от ответственности за проводимую макроэкономическую политику, например, по ослаблению государства и государственного сектора (хотя в России он в последнее время был укреплен). Неэффективные институты демократии не позволяют наказать за такую политику, отстранив политиков от возможности ее дальнейшего проведения или совершенствования. Проблема в том, что нельзя доверять совершенствованию политики тому, кто не умеет делать выводы из совершенных им же ошибок, не умеет их признавать, лакируя общую идеологически предвзятую канву предлагаемых мероприятий.

Занятость может не понизиться, но может быть снижена заработная плата в реальном выражении в силу инфляции и сокраще-

➤ **Низкая инфляция более всего выгодна финансовым магнатам, она облегчает спекуляции на финансовых рынках.**

ния надбавок (как это наблюдалось в России в ходе рецессии 2014–2015 гг.). В итоге социальные проблемы обостряются, отсутствие индексации социальных пособий и пенсий будет также сдерживать совокупный спрос и оказывать негативное влияние, например, увеличивая количество бедных (в России в 2014–2015 гг. их число выросло почти на 3 млн человек за 1,5 года). При такой системе капиталистических институтов уровень благосостояния граждан, причем наименее обеспеченных, явно понизился на относительно большую величину, что и является обобщенным критерием оценки эффективности экономической политики и функционирующей экономики.

Подобные проблемы роста наблюдаются не только в экономике России, но и в экономике стран — экономических лидеров, например США. Дж. Стиглиц отмечает проблему занятости, справедливо вынося ее на первый план. Давление финансового рынка, деиндустриализация, вызванная не только переливом труда из обработки в услуги, но и повышением технологичности обрабатывающих секторов, а также структурными изменениями экономики в пользу финансовых секторов, сопровождают сегодня экономическое развитие. Люди работают неполный рабочий день. Стареющее население увеличивает нагрузку на работающих и предъявляет новые требования по обеспечению технологичности всей экономики. Однако в качестве рецептов преодоления подобных дисбалансов предлагается всего-навсего политика стимулирования совокупного спроса кейнсианского типа, одобренная необходимым учетом структурных ограничений, да стратегия активного рынка труда, обеспечивающая повышение его гибкости и мобильности (за счет повышения квалификации и переобучения). Базовые институты капитализма долгое время, пока были актуальны многочисленные схожие кейнсианские рецепты, не являлись объектами воздействия,

то есть не предлагалось способов их изменения — задача так даже не ставилась. В том-то и проблема современного этапа экономического развития, что мир столкнулся с необходимостью пересмотра базовых институтов капитализма. И это обстоятельство должно заложить новую модель развития и экономического роста. Спустя время очень аккуратно и с большими оговорками, наконец, приходит к этому и Дж. Стиглиц в своей книге «Цена неравенства» (русский перевод 2015 г.).

С одной стороны, он неявно соглашается с тем, что монетаризм как политика выступает своеобразным инструментом экспроприации доходов бедных в пользу богатых,

➤➤ Нельзя доверять совершенствованию политики тому, кто не умеет делать выводы из совершенных им же ошибок, не умеет их признавать, лакируя общую идеологически предвзятую канву предлагаемых мероприятий.

но, с другой стороны, обозначая стратегически верные направления институциональных коррекций капитализма, обращается к 1% богатых, говоря, что они должны понять ситуацию и решиться на планомерное сокращение своих богатств и такого режима капиталистического развития. Подобные коллизии-обращения, на наш взгляд, вряд ли можно признать научно обоснованными, ибо в условиях подлинной демократии решения по коррекции фундаментальных институтов капитализма должны быть осуществлены представителями населения в законодательном порядке. Если действует один механизм экспроприации, то должен появиться и иной механизм, обращенный к другой группе населения. Джозеф Стиглиц не учитывает положения марксистской теории о том, что в государстве правящий класс держит в повиновении другие классы населения, подчиненные ему экономически и политически. Анализ, предпринятый Дж. Стиглицем в «Цене неравенства», по сути, подтверждает этот тезис. При таком порядке перечисленные ниже предложения при

всей их объективной полезности, справедливости и даже необходимости вряд ли могут быть осуществлены системно:

- обуздать финансовый сектор⁸, подчинив его содержательным, не спекулятивным целям развития экономики (не в рамках мировой системы это сделать практически невозможно)⁹;
- принять новые законы о конкуренции и антитимонопольном регулировании с целью ликвидации источников дополнительной ренты (обычно незаработанной);
- пересмотреть заработную плату топ-менеджмента (это особенно актуально для России, где такие попытки делаются, но очень робко), тем самым изменив модель корпоративного управления;
- изменить закон о банкротстве;
- свернуть приватизацию;
- сократить число лазеек для ухода от налогов, ввести прогрессивную шкалу налогообложения;
- осуществить налоговые изменения, которые предотвратили бы появление новой олигархии (это предложение Дж. Стиглица смотрится аморфно, так как оно не вполне конкретно и давно обсуждается среди российских экономистов, но прогресс в том, что Дж. Стиглиц в своих работах впервые указывает на фундаментальное ограничение современного капитализма — необходимость блокировать разрастание власти олигархии). Конечно, эти изменения потребуют изменить механизм наследования, налоги на недвижимость и сверхдоходы. Однако нужно идти дальше, например, предложить политику дифференциации собственности (разукрупнения) и ограничения владения. Видимо, явно просматривающийся социалистический аспект проблемы не позволил перейти к таким откровенным и напрашивающимся предложениям;
- ввести налоговую систему, создающую и задающую новые стимулы — к инвестированию и потреблению того, что создается внутри экономики отечественными агентами;
- расширить сферу образования и здравоохранения, социальные программы, стратегию активного рынка труда (гибкость, мобильность, квалификация)¹⁰;
- финансовая и денежно-кредитная политика должна быть направлена на обеспечение за-

нятости; она должна стать средством управления перетекания денег между секторами и видами деятельности;

- стимулировать государственные инвестиции в инфраструктуру, образование, здравоохранение, фундаментальные исследования, дающие новые технологии; инвестиции и инновации необходимо направить на сохранение экосистем и экологически чистого производства [3, с. 512].

Как отмечали многие экономисты еще в период кризиса 2007–2009 гг., понадобится реструктуризация экономики США, новая индустриализация экономики, рекомбинация рынков, их переустройство, что в сумме даст новое качество экономического роста.

Таким образом, борьба с капитализмом представляется борьбой с неравенством, где наиболее богатые слои вроде как призываются к тому, чтобы поделить часть активов. Это камуфляж реформ, но не реформы по существу. Уровень неравенства в системе, как было показано автором в ряде работ, может как способствовать росту, так и тормозить его, так что снижение неравенства может способствовать экономическому росту. Однако для каждой экономической системы условия такого соотношения будут свои. На них будут влиять многие институциональные параметры, включая роль на международной арене, мировые связи и торговлю. Рецепт подобной модели становится излишне простым — сдерживать доходы наверху и повышать или стимулировать рост доходов внизу.

Начиная с 1990-х годов перечисленные аспекты многократно обсуждались, в том числе в публикациях ученых РАН. Действительно, все эти направления являют собой ту стратегическую основу для новой модели роста в России, которая представляется содержательной и обоснованной, вытекающей из осознанного видения перспективы будущего общества и экономики.

Предпринятые автором расчеты показывают: финансовый сектор в России в 2000–2016 гг. так разросся, что при возникновении первых признаков рецессии только усугубил ситуацию. Возможно (хотя это не было точно определено нами и вообще вряд ли может быть точно установлено современными научными методами), именно сильный рост финансового сектора в России создал все условия для рецессии. Внешний шок — изменение цен на нефть и импортированная инфляция, связанная с дестабилизацией валютного рынка при провале его регулирования со стороны денежных властей, — явился добавочным стимулом рецессии. Возможно, в тот момент это было основным фактором, способствовавшим резкому углублению рецессии, контуры которой уже маячили за год-два до обвала валютного рынка осенью 2014 г., — снижение темпа роста инвестиций, реальных доходов, продукции и т.д.

Экономический рост должен расширять возможности и уровень благополучия широких слоев населения — это давно известный трюизм. Однако то, как сделать такой рост реальностью, представляет существенную проблему и формирует набор требований к новой экономической политике. Стимулирование совокупного спроса — важное условие роста, но то, как будет осуществляться это стимулирование, предопределяет качество роста и длительность такого периода функционирования экономики. Соразмерно спросу должно возрасти и предложение, следовательно, политика предложения должна быть адресной, ибо, будучи направлена на общие стимулы, она ровным счетом ничего стимулировать не будет. В свете сказанного общее снижение налогов станет нецелесообразным.

Учитывая все известные факты об экономическом росте в разных странах в различные

➤ **Борьба с капитализмом представляется борьбой с неравенством, где наиболее богатые слои вроде как призываются к тому, чтобы поделиться частью активов. Это камуфляж реформ, но не реформы по существу.**

исторические периоды развития, можно заключить, что сам по себе экономический рост не является и не должен быть целью-фетишем экономической политики, так как вне системных воздействий на экономику его результаты распределяются обычно неравномерно и очень часто крайне несправедливо. Однако самое важное ограничение для долгосрочного экономического роста возникает по ресурсам не только природной их составляющей, то есть невозобновляемым ресурсам, но и ресурсам возобновляемым, качество которых для данного исторического отрезка времени может понижаться (физический и человеческий капитал).

Наибольшая опасность, которую создают парадигма роста и соревнования между странами по росту, сводится к нанесению непоправимого ущерба экологическим системам, природе. Когда превышен ассимиляционный барьер, природа отвечает общим потеплением климата вследствие парникового эффекта и возрастанием частоты природных катаклизмов. Последние способны со временем аккумулироваться, превращаясь в общее природно-климатическое потрясение, которое может не просто кардинально изменить текущую парадигму ведения хозяйственной деятельности, но резко обострить проблему выживания человечества. Преодоление этой проблемы вынужденно заставит изменить базисные институты не только капиталистического развития, но и международного взаимодействия. Экономический рост необходимо организовывать в рамках сберегающего природу подхода, даже если темп его будет при этом ниже. Однако нужна модель политики, которая бы посредством наращивания расходов на создание технологий очистки и безотходных

технологий поставила «зеленую» проблему в центр проблематики организации роста. Полагаем, что без изменения институтов капитализма такая модель будет невозможна. Никакие либеральные рецепты типа нового коузианства не способны решить этот вопрос, исходя из представлений о работе рынка. Одного только института рынка недостаточно для решения проблем такого масштаба и значимости.

Экономическая политика должна синтезироваться исходя из складывающихся условий конкретного объекта, на который она призвана влиять. Поэтому не может быть универсальных рецептов экономической политики даже при существовании общего теоретического подхода к разработке передаточного механизма экономической политики (теории экономической политики роста). □

ПЭС 16154 / 31.10.2016

Примечания

1. Впервые так обозначил наличие этого эффекта О.С. Сухарев в своих выступлениях и публикациях 2010–2014 гг.
2. Начиная с профессора С.С. Губанова и заканчивая автором этих строк.
3. Снижение цен на нефть, вызвавшее девальвацию, а также действия спекулянтов и дальнейшая импортированная инфляция (одна из основных стартовых причин ускорения инфляции в конце 2014 и в 2015 гг.).
4. Подобные примеры приводит Дж. Стиглиц в своей научно-публицистической работе «Цена неравенства» [3, с. 207–209]. В частности, он пишет о том, что финансовые магна-

ты дважды заблокировали избрание президента Бразилии да Силвы. Финансовые рынки не преследуют цели развития всей экономики. Они подчинены идеологии «либерализации рынка капитала», которая становится опасной, поскольку способствует быстрому выводу капитала из любой страны, формируя режим глобального управления и подавления неугодных стран. О таких методах воздействия не мечтал даже А. Гитлер. Финансовые рынки заблокировали назначение очень хороших профессионалов в ФРС в правление Б. Клинтона, а при президенте Б. Обаме была отвергнута кандидатура нобелевского лауреата по экономике только потому, пишет Дж. Стиглиц, что он критически мыслит и предлагает решение вопросов в области труда и занятости. Эта функция чужда ФРС, несмотря на то, что провозглашается в ряде установочных документов, — и это вызывает многочисленную критику среди широкого слоя экономистов [3, с. 320–321]. Идея о том, что основная цель денежно-кредитной политики — это безработица, а не инфляция, давно стоит на повестке дня. Она резко актуализируется в последнее время, несмотря на то, что во многих странах мира продолжают действовать сугубо монетаристские рецепты подавления немонетарной инфляции монетарными методами (пример — Россия 1990-х, 2000-х и 2010-х годов). В течение трех десятилетий совершается одна и та же экономическая ошибка, причем никакие публикации отечественных экономистов и даже работы нобелевских лауреатов по экономике не позволяют эту ошибку исключить. Следовательно, тут задействованы интересы определенных кругов, сколачивающих свои состояния на финансовом рынке в прямом смысле из воздуха.

5. Конечно, речь не идет о крупном дефиците бюджета, скажем 5–7% и более, — в этом случае будут действовать иные схемы влияния на экономическое развитие, в частности, будет высокий государственный долг (внешний и внутренний), да и иное влияние на инфляцию при монетизации бюджетных расходов.

6. Похожую идею развивает Дж. Стиглиц в работе «Цена неравенства».

7. Увеличение инфляции и не всегда явной безработицы, когда статистика показывает отсутствие роста безработицы, но при этом сокращаются число отработанных часов в неделю и трудовая неделя либо снимаются все надбавки к заработной плате, то есть, по сути, она сокращается. Население беднеет. Дальнейшая борьба с инфляцией усиливает

эту бедность, притом что структура распределения дохода, как и структура экономики, не изменяется. В таком случае модель роста ориентируется только на относительно богатые буржуазные круги, с поведением которых и связываются надежды на запуск роста, что не имеет длительной перспективы развития (в частности, в России)

8. Здесь возможно введение ограничений на левверидж и ликвидность банков, то есть нивелирование рисков, подобно тому, как это было до принятия доклада Ханта в 1972 г. и либерализации банковской системы к 1980-м годам, что открыло эру финансового монетаризма, уведя экономику из кейнсианской эпохи ограничений на спекуляции. Расширить конкуренцию в банковском секторе, сделать деятельность банков более транспарентной, резко повысить процент за ростовщичество, фактически ограничив кредитную спекуляцию и образование пузырей. По сути, это возврат к рузвельтовской эпохе банковского регулирования, возвращение обновленного кейнсианства. Отменить бонусы за чрезмерный риск, ввести контроль за операциями с деривативами, закрыть офшорные банки, поскольку они подпадают под иной формат налогообложения, ввести налог на финансовые операции по типу налога Тобина и др.

9. Поэтому Дж. Стиглиц смотрится как утопист, который прав, но, дескать, что же можно сделать? Напрашивающийся ответ — ничего нельзя сделать. Это ответ соглашателей. Конечно, реформы мирового капитализма нужны и давно назрели. Кстати, тому, что капитализм западного типа продержался последние 30 лет без крупных войн и создал иллюзию процветания в 1990-е годы, способствовало разрушение СССР и снятие сливок, материальных и нематериальных, которые усилили даже интеграционные процессы в Европе, сейчас переживающей сильнейший кризис в своей истории.

10. Стратегия ГМК — гибкость, мобильность, квалификация рынка труда.

Источники

1. Сорокин Д.Е., Сухарев О.С. Структурно-инвестиционные задачи развития экономики России // Экономика. Налог. Право. 2013. № 3.
2. Сухарев О.С. Макроэкономическая политика стимулирования экономического роста: ограничения и перспективы // Проблемы управления. 2008. № 1.
3. Стиглиц Дж. Цена неравенства. М.: Эксмо, 2015.

References

1. Sorokin D.E., Sukharev O.S. Strukturno-investitsionnye zadachi razvitiya ekonomiki Rossii [Structural and Investment Objectives of the Russian Economy Development]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2013, no. 3.
2. Sukharev O.S. Makroekonomicheskaya politika stimulirovaniya ekonomicheskogo rosta: ogranicheniya i perspektivy [Macroeconomic Policies for Stimulating Economic Growth: Constraints and Prospects]. *Problemy upravleniya*, 2008, no. 1.
3. Stiglits Dzh. *Tsena neravenstva* [Price of Inequality]. Moscow, Eksmo, 2015.